

23.10.2018

Тоганова Н.

Платить или не платить?

В начале осени 2018 г. на экраны вышел документальный фильм «Paywall. The Business of Scholarship» («Плати. Научный бизнес»), который можно посмотреть онлайн [1]. Это нарезка из интервью двух дюжин исследователей и руководителей библиотек со всего мира, рассказывающих о том, как они оценивают влияние крупных издательств – в первую очередь Elsevier – на развитие науки ([Троицкий вариант – Наука](#)).

<...> Крупные зарубежные университеты и исследовательские центры платят за пакетную подписку, расходуя значительные суммы. При этом пакет может охватывать не весь спектр научных направлений. Система оплаты непрозрачна (неизвестно, сколько за ту же подписку платит соседний университет). С ростом числа статей и журналов с открытым доступом возникает всё больше и больше вопросов о справедливости существующей системы.

Издательства Elsevier, Wiley, Springer и другие могут похвастаться нормой прибыли, которая не снилась многим коммерческим компаниям. В связи с этим, как правило, приводят данные по Elsevier. Приведу их и я: в 2017 г. выручка Elsevier составила 2 284 млн фунтов, а чистая прибыль – 913 млн фунтов (37 %). Это много или мало? Чтобы не переводить из одной валюты в другую, использую такое сравнение: чистая прибыль Elsevier – это примерно 3 % всех расходов Великобритании на НИОКР.

Столь высокая прибыль аккумулируется компанией, конечно, не только в Великобритании, а в результате деятельности во всем мире. И в значительной части эти деньги – плата за продукт, созданный тысячами ученых и научных организаций по всему миру, финансируемых за счет государственных расходов. При этом налогоплательщики этих стран не имеют свободного доступа к результатам работы ученых: базы платные. По сути, Elsevier использует схожую с YouTube модель – пользователям предоставляются онлайн-платформа, алгоритм ранжирования и оценки контента. И там и тут весь контент производится пользователями, но есть небольшие отличия: YouTube делится заработанным с теми, кто этот контент делает, Elsevier – нет. Также на YouTube создатель контента сам решает, будет ли он находиться в открытом доступе для всех или нет, в то время как у Elsevier данное решение сопряжено с финансовыми издержками (за open access надо платить).

При чем тут open access? В странах ЕС есть тренд на увеличение доли статей, находящихся в открытом доступе, т. е. таких, которые каждый может прочитать со своего домашнего компьютера. Происходит это постепенно, такое условие всё чаще вписывается в грантовые обязательства (например, в 2015 г. немецкое Общество Фраунгофера опубликовало 20 % всех своих статей в открытом доступе, Объединение имени Гельмгольца – почти 40 %).

Нередко это публикации в журналах из пула тех же издательств. В Elsevier 15 % всех публикуемых статей – open access.

Может показаться, что справедливость торжествует: столько статей открыто для всех! Но радоваться рано. Похоже, что налогоплательщик платит за них издательствам дважды: первый раз – когда ученые публикуют статью (статья open access стоит от 150 до 5 000 долл. [2]), второй – когда университеты и НИИ подписываются на журналы Elsevier, ведь хотя доля публикуемых в открытом доступе статей растет, стоимость подписки не падает. Я пишу «похоже», поскольку Elsevier и другие издательства не раскрывают информацию о том, сколько стоит подписка для того или иного университета или института. Также в договорах об услугах вписано положение о неразглашении информации, т. е. университеты не имеют права говорить о стоимости подписки третьим лицам.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, научное сообщество предпринимает шаги, которые условно можно разделить на неповиновение (радикальное и менее радикальное) и попытки легально изменить сложившуюся систему или выйти из нее.

Радикальное неповиновение демонстрируется проектом Sci-hub, где представлено порядка 80 % всех научных публикаций платных баз. Этот проект А. Элбакян, пожалуй, самый значительный вклад постсоветских стран в мировую дискуссию о функционировании научного сектора. За последний год со Sci-hub было около 150 млн скачиваний из всех уголков мира, при этом в лидерах именно те страны, в которых многие учебные заведения и НИИ оформили платный доступ к научным журналам.

Однако стратегии неповиновения придерживаются и вполне себе законопослушные западные университеты: на страничках ученых и преподавателей можно обнаружить полные версии их работ, которые вообще-то не должны распространяться в открытую. Нерешительные попытки Elsevier их снять не увенчались успехом, поскольку слишком активная борьба издательства с бесплатно пишущими для него людьми может негативно отразиться на бизнес-модели.

О попытках изменить систему, находясь в правовом поле, уже коротко говорилось выше. Это и переход на open access, и переговоры с издательствами, которые ведутся в ряде стран. Так, последние несколько лет Германия тягается с Elsevier (так называемый проект DEAL [3]): две сотни учебных заведений не стали возобновлять подписку в 2016 и 2017 годах. Их цель – заключить коллективный договор с Elsevier, учитывающий плату за open access, а также сделать саму плату более прозрачной. Переговоры затягиваются, но пока не достигнуто новое соглашение, Elsevier не отключает немецкие организации от своей системы. Другие легальные шаги по изменению системы пока единичны: сотрудники некоторых редакций коллективно увольняются из журналов Elsevier и открывают аналогичные журналы в открытом доступе.

Если с существующей системой платной подписки на научные издания всё так плохо, то почему статус-кво научных издательств сохраняется? Дело

в том, что на издательствах держится институт оценки эффективности научных работ, ученых, учебных заведений и НИИ (Scopus так же, как и Elsevier, принадлежит RELX Group). Современный научный мир не может функционировать без рейтингов журналов, индекса Хирша и т. п. Только подумайте, на каком основании допускать исследователей к подаче на гранты РФФИ? По какому критерию определять успешность научной деятельности? На каком основании выделять финансирование вузам и институтам? На какие строчки в резюме смотреть при приеме на работу ученого или преподавателя?

Однако нужен ли такой институт оценки, который стоит налогоплательщикам столь значительных денег и приносит 37 % чистой прибыли в год тем, кто не создает никакой добавленной стоимости и при этом препятствует научной коммуникации?..